

ВАЛЬДЕМАР ШМИДТ

**МИНЦЛОВ С. Р. (1870–1933): К ВОПРОСУ
О МИСТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ ПИСАТЕЛЯ**

*Темницы жизни покидая,
Душа возносится твоя
К дверям мечтательного рая,
В недостижимые края.
Встречают вечные виденья
Ее стремительный полет,
И ясный холод вдохновенья
Из грез кристаллы создает.
Ф. Сологуб*

Abstract

In the following essay about the literary works of Minclov, the author analyzes the mystic side of some of his stories. This essay gives a presentation of Minclov's literary works which have not been explored so far in science. In this essay, the author writes about mystic as a characteristics of Russian literature in the 20th century.

Key words

Mystic ■ the inner side of life ■ fate ■ God ■ realistic/non-realistic

Предлагаемая читателю статья является плодом долгих раздумий о значимости творчества С.Р. Минцлова (1870–1933). Литературное наследие Минцлова в современном литературоведении безусловно нуждается в дальнейшем освещении многих вопросов, связанных как с личностью писателя, так и его творчеством. О жизни и творчестве Минцлова можно писать и рассказывать по-разному. Его литературное наследие огромно. В данной статье мне хотелось бы сосредоточить внимание на ряде его мистических рассказов, которые объединены единой мыслью и в большей степени раскрывают сам характер мистических воззрений писателя. Увлечение мистикой в русской литературе – это не только мотивы в произ-

ведениях Минцлова, но и конкретное проявление этих мотивов, сюжетов в творчестве многих российских литераторов послереволюционного периода. К числу таких литераторов следовало бы отнести Н. Тэффи, И. Бунина, Г. Иванова, Шалфеева и автора целого ряда исследований в области русской демонологии А. Амфитеатрова, а также других.¹

Основными моментами в мистических воззрениях Минцлова, нашедших свое отражение в его рассказах, всегда являются три элемента: трагедия – миф – мистика. Как справедливо писал архимандрит Киприан (Керн) в своем труде *«Антропология св. Григория Паламы»: «Мир явлений, внешняя природа, сам человек – только прозрачные оболочки иного мира, отражение иных непреходящих реальностей.»*²

Минцлов в большей степени известен как библиограф и библиофил, и наверное, многим покажется неожиданным, что его перу принадлежит более двух десятков исторических романов, повестей, рассказов, пьес и сборников стихов. Писатель до Первой мировой войны не был беллетристом-профессионалом, и его талант литератора, в основном, раскрылся позже. Имя Минцлова-беллетриста, хотя он и не принадлежит к числу писателей «первого ранга», пользовалось в начале XX века известностью.³

Перу Минцлова принадлежат десятки книг на самые различные темы, одинаково увлекательные, хотя и написанные в самых различных жанрах. Многие из них изданы еще в дореволюционное время и в последние годы жизни писателя за рубежом.⁴ Писательская судьба Минцлова была необычна и нелегка, и надо полагать, что именно это обстоятельство наложило свой отпечаток на его литературную деятельность. Литературные судьбы переменчивы: прославленный при жизни писатель постепенно погружается во мрак безвестности, а наоборот, никому не известный вдруг становится первостепенной фигурой.

Писатель Минцлов принадлежит к числу тех русских писателей, которые сегодня мало известны современному читателю. Между тем, неординарность художественного дарования Минцлова стала очевидна уже в 90-е годы XIX века, когда появились его первые литературные произведения. Биографические сведения о Минцлове ныне общеизвестны и мож-

1 См.Тамарович Наталия: Усадебный колорит в „мистических рассказах С. Минцлова: „Мистические вечера“ (1930) http://www.russianresoures.lt/archive/Minclov/Minc_19.Html.

2 Киприан (Керн), архимандрит: Антропология св. Григория Паламы. – Москва : „Паломник“ 1996, с. 326.

3 Блюм А.В./Маргинов И.Р.: С. Р. Минцлов и его библиографическая повесть. // Альманах библиофила. Выпуск второй. Москва : „Книга“ 1975, с. 201–205.

4 См. Шмаков А.: Письма из Лозанны. <Литературоведческие очерки.> Челябинск: „Южно-Уральское книжное издательство“ 1980, с.167–168.

но лишь напомнить их. Писатель был очень разносторонним и чрезвычайно интересующимся человеком. Минцлов постоянно чем-то увлекается. Его интересы обширны: то его захватывает ботаника и зоология, то история и археология, и наконец, его страстью становятся поиски старых книг и библиография.⁵

В 1900–1914 гг. писатель жил, главным образом, в Петербурге, печатался в журналах «Юный читатель», «Всходы», «Мир», «Образование», «Исторический вестник», «Былое», «Голос минувшего». Остаток жизни он провел в Риге, перебиваясь случайными литературными заработками, теряя нужду и лишения. Минцлова – писателя можно охарактеризовать как человека, почитающего вечное. Это почитание вечного выразилось в его любви к старине, к ее преданиям и легендам, к мистике.⁶

Творчество Минцлова – это совершенно особый литературный мир, где все подвижно, бегло и зыбко, все соткано из мимолетных впечатлений и каких-то неотчетливых ощущений. В творчестве писателя, в его мистических рассказах перед читателем проходят тщательно выписанные, всегда ярко красочные и, в то же время, будоражащие воображение картины, рельефно описывающие состояние его персонажей в их общении с потусторонним миром. Для произведений такого рода характерен особый композиционный эффект – актуализация образа повествователя, обуславливающего естественность и „правдоподобие“ любого мистического рассказа писателя.⁷

Знакомясь с творчеством Минцлова, ощущаешь совершенно иной мир художественных образов, категорий мышления и каких-то особенных этических ценностей. Этика Минцлова в сочетании с его мистическими взглядами продумана, выношена в опыте его размышлений, в его литературном творчестве. Мистические воззрения писателя приобретают чисто лично живой, прочувствованный характер и всегда объединены с психологическими наблюдениями. С другой стороны, мистические взгляды писателя, нашедшие свое выражение в его рассказах, пронизаны символами и, вместе с тем, очень реалистичны, поскольку, по словам Н.А. Бердяева, „символизм в этике есть этика душевная, в которой духовность символизируется и дается в законах. Реализм в этике есть этика духовная,

5 Русские писатели (1800–1917). Биографический словарь. Главный редактор Николаев П. А. Москва: „ Большая Российская энциклопедия“, т. 4, 1999, с. 84–86.

6 Писальский П.: Минцлов С.Р. Жизнь, личность, труды. Критико-биографический очерк. // Мистические вечера. <Записки общества любителей осенней непогоды.> Рига: „Восток“, 1946, с. V.

7 См. http://www.russianresoures.lt/archive/Minclov/Minc_19.html, а также Спорге Л.В. Пушкинский миф Ивана Лукаша// Пушкинские чтения в Тарту 2: Материалы международной научной конференции 18–20 сентября 1998. Тарту 2000, с. 331–343.

в которой духовность реально осуществляется, ее качества овладевают душевной жизнью.⁸ Еще с середины XIX века русская литература особое внимание начинает уделять психологии персонажей, пытается разобраться в сложных и запутанных лабиринтах их души.⁹ Именно эти критерии поисков психологического состояния человека и нашли отражение в мистических рассказах С.Р. Минцлова.

Надо отметить, что русская мистическая литература конца XIX – начала XX века все еще остается одним из наименее изученных этапов недавнего литературного прошлого. Появление мистических воззрений в русской литературе на рубеже XIX и XX столетий было во многом обусловлено острым ощущением кризиса всего господствующего миропорядка, охватившего многих деятелей русской литературы и искусства с несхожими позициями, путями и судьбами.¹⁰ Известно, что большую популярность в начале XX века получают взгляды Рудольфа Штейнера, знаменитого философа и социолога на рубеже XIX–XX столетий. Наибольшую популярность взгляды Штейнера получили в России – в основном, у русской интеллигенции – и впоследствии проникли в литературное творчество многих русских писателей. И это объяснимо тем, что человека XIX–XX столетий гнетет смятение, когда во внутренний мир души вторгается нечто инородное, ведущее к разладу с самим собой, с окружающим миром. И тогда человек пытается постичь суть происходящих в его душе перемен, обращается к всевозможным философским, религиозным и мистическим учениям.¹¹

Именно в этот период принципам рационального познания мира и его законов противопоставляется иррационализм как основа в поисках духовного обновления общества; возникают различные религиозно-философские общества, в которых различные слои русского общества обсуждают проблемы современного духовного сознания общества, пути модернизации традиционной религии и многие другие вопросы. Все эти поиски отразились и на развитии русской литературы, в которой возникают мистические и апока-

⁸ Бердяев Н.А.: О назначении человека. Москва: Издательство „Республика“ 1993, с. 213.

⁹ См. Осипова М.В.: Опыт христианской антропологии в русской литературе XIX века, в: „Духовные начала русского искусства и образования.“ Материалы III Всероссийской научной конференции. Великий Новгород, 10–14 мая 2003 года. Великий Новгород: Издательство НовГУ им. Ярослава Мудрого 2003, с. 132.

¹⁰ Орлов В. Л.: Перепутья. <Из истории русской поэзии начала XX века.> Москва: „Художественная литература“, 1976, с. 3.

¹¹ См. Листопад А.В.: Духовно – религиозные мотивы в русской поэзии начала XX века. (Е. Дмитриева, С. Парнок), в: „Духовные начала русского искусства и образования.“ Материалы III Всероссийской научной конференции. Великий Новгород, 10 – 14 мая 2003 года. Великий Новгород: Издательство НовГУ им. Ярослава Мудрого 2003, с. 152.

липсические мотивы.¹² В русской литературе растет интерес к различного рода легендам и мистическим воззрениям русского народа.

Суть мистических воззрений в русской литературе сводилась к единому представлению о мире как о системе хаоса и стихийности, как о мире трагичности. Исходя из этих моментов, судьба человека рассматривалась литераторами-мистиками как компонент произвола «сверхъестественных» сил, не подвластных человеку, и, в конечном счете, враждебных ему.

Интерес Минцлова к мистике очевиден, особенно для тех, кто непосредственно соприкасается с его литературным текстом. В его рассказах возникают бредовые видения, странные сны, галлюцинации, «ожившие покойники», ибо в понимании писателя – это жизнь в ее внутреннем мистическом проявлении. В литературном творчестве писателя присутствует малопонятный образный мир, чрезмерно усложненный обилием неведомых событий, с их мистической трактовкой действительности. Подобное литературное мышление возникает под влиянием глубокого мистико-религиозного чувства, что дает писателю через его повествователя в мистических рассказах возможность постижения духом одного и того же явления. По мысли Максима Исповедника, видимый мир – это символ мира невидимого.¹³ И Минцлов как писатель, безусловно, обладает тем чувством постижения невидимого мира через его мистическое осознание, через посредство которого происходит очищение его духовного зрения, находящее свое содержание в мистических образах и сюжетах в его рассказах.

Причина склонности Минцлова к мистическим сюжетам заключается, прежде всего, в его стремлении разобраться в природе вещей, отразить представления о мире, который принимает для писателя формы «бытия» и «небытия» одновременно. Мистика осознается самим писателем, как факт соприкосновения человека с «таинственным», т.е. «сверхъестественным», «неопознанным», «необъяснимым», в противоположность естественному, познанному и понятному. Находясь в мистическом пространстве герои Минцлова получают реальное знание о мире, обретая, так сказать, реализм высшего порядка.¹⁴

Мистика для Минцлова – это одновременно и то, что «сверх» человеческого понимания, а с другой стороны, и то, что существует объективно и дано в каком – то своем проявлении. Поэтому оно воспринимается писа-

¹² Соколов В. Г.: История русской литературы конца XIX – начала XX века. Москва: „Высшая школа“, 1999, с. 3.

¹³ Максим Исповедник, преп. Творения. Москва: „Martis“ 1993, т. 1, с. 180.

¹⁴ Зеньковский В.В., прот. История русской философии. Париж: YMCA – Press 1948, т. 1, с. 41.

телем не как «неестественное», а как нечто, попавшее в сферу «естественного» из неизвестного источника.¹⁵

Мистические воззрения писателя в его художественных произведениях существуют на бытовом, обыденном уровне, т.е. эти «мистические воззрения» его литературных героев присутствуют всегда в их реально-художественном мире. Быт, описываемый в рассказах Минцлова, всегда трагичен; это, прежде всего, быт зависимостей, он несет в себе внутренний накал, он исполнен драматизма, он состоит из трагических в существе своем коллизий. Реально-бытовые, мистические рассказы Минцлова строятся на исключительной ситуации, которая показывает человека в необычайном жизненном ракурсе и позволяет автору раскрыть неожиданные глубины человеческого сознания, его психики.

Из глубины быта, который описывает Минцлов, мрачного, нелепого, вырастает какое-то мистическое чувство, всегда довлеющее над человеком, его судьбой. Это чувство воплощается у писателя в анализе психологического состояния героя, которое становится у него не художественным приемом, а выражением содержания самой жизни. Иными словами, Минцлов пытается в отвлеченно-мистическом смысле понять судьбу отдельного человека. Неслучайно тот же архимандрит Киприан писал: *«Видимый мир с его явлениями и с самим человеком, со структурой его психофизического организма есть экран, на котором запечатлены символы вечного бытия.»*¹⁶

Мистический характер модели мира в рассказах Минцлова, в пределах которого чудесное (мистическое, потустороннее) соприкасается с реальностью, прежде всего, выявляется в описании пространства и времени. Сочетание элементов реального с идеями эзотерического приобщения к тайне – характерный момент в творчестве писателя. Мистические воззрения Минцлова, конечно же, во многом базировались на определенных представлениях самого писателя о природе человека, а точнее, на его знании природы человеческого сознания. Писатель рассматривал человека, как сложное, таинственное, а иногда даже враждебное явление. Стихийное начало человеческой природы в литературных изысканиях Минцлова базируется на его представлениях о стихийности мира в самых разных его проявлениях. Обычно общий смысл рассказов писателя заключен в каком-либо одном эпизоде. Хотя сам по себе эпизод мало интересует Минцлова. Его привлекает, в первую очередь, проблема судьбы человека, смысл человеческой жизни. Собственно, почти каждое произведение мистического

¹⁵ Кравченко В. В.: Мистицизм в русской философской мысли XIX – начала XX веков. Москва: „Издательство“, 1997, с. 10.

¹⁶ Киприан (Жерн), архимандрит: Антропология св. Григория Паламы. Москва: „Паломник“ 1996 с. 331.

характера у Минцлова – это история жизни, судьба отдельно взятого человека, оказавшегося в каких-то очень сложных отношениях с мистическими обстоятельствами.

Судьба человека, по мнению писателя, трагична. Она не принадлежит человеку, и сам человек «растворен» в круговороте явлений и событий происходящих в окружающем его мире, а процесс его жизни трактуется писателем, прежде всего, как процесс загнивания в нем личности. Рождение и смерть – вот внешние проявления его зависимости от жизни в окружающем его мире.

Минцлов находит место человека в слиянии со стихией потустороннего, с «хаосом», преображенным силой человеческого воображения. Такого рода тенденция в его взгляде на реальный мир в большей мере свидетельствовала о глубоком изменении представлений писателя об окружающем мире, и сама природа его идейно-художественных исканий выражалась в использовании спиритуалистических и религиозно-мистических представлений о жизни.

Это во многом эзотерические рассказы, возбуждающие в читателе стремление разгадать темные, потаенные смыслы жизни человека в его судьбе и ее значимости. Неслучайно Томас Манн в «Докторе Фаустусе» заметил: *«Да и существует ли вообще такая область человеческого, пусть наисветлейшая, достойнейшая, которая была бы вовсе недоступна влиянию темных сил, более того, которая не нуждалась бы в оплодотворяющем соприкосновении с ними?»*¹⁷

Поэтому самораскрытие человека в литературной концепции и во взглядах Минцлова на реальный мир рассматривается писателем через влияние потусторонних сил, которые он считает неизбежным стимулятором всякого жизненного действия. В его рассказах, где присутствуют идеи теософии, одним из принципиальных положений которой была идея переселения душ, и смерть трактуется и представляется писателем как обыкновенное разлучение со временем, то есть с земным обиталищем. Здесь следует подчеркнуть то обстоятельство, что смерть для Минцлова в любом возрасте означает, прежде всего, уничтожение сознательного Я и, вместе с тем, является моментом трансформации одной формы материи в другую – в форму бесконечной, бессознательной жизни. Минцлов, пишущий о смерти, пишет о ней, прежде всего, как о личной трагедии и, конечно же, не прославляет смерть как избавительницу и спасительницу от пошлой и грубой земной юдоли. Размышления Минцлова о смысле человеческой жизни в его мистических рассказах переплетаются с мыслями

¹⁷ Долгополов Л.: На рубеже веков. <О русской литературе конца XIX – начала XX века.> Ленинград: „Советский писатель“, 1977, с. 139.

И.Бунина, который говорил о загадочности ее происхождения: „Жизнь зарождается во мраке таинственном. Радость и гибель ее Служат нетленному и неизменному Вечной красе Бытия.“¹⁸

Обычно читателю, который впервые знакомится с творчеством Минцлова, сразу бросается в глаза необычное обилие смертей. Минцлов в рассказе «Чернокнижник», написанном в Риге в 1927 году, описал специальное устройство в склепе, которое нужно для того, чтобы «оживший» покойник мог дать о себе знать и вылезти из-под земли. Это еще один иллюзорный фон в его творчестве – широко распространенное в конце XIX – начале XX века мнение, а именно фобия, связанная с боязнью быть похороненным заживо.

«Купил себе место на кладбище, склеп устроил, какой ему понадобился, из склепу проволоку велел протянуть наружу, на стене колокол повесили, чтобы, значит, можно было, как очнетса, слух о себе подать.»¹⁹

Минцлов описывает смерть так, что невозможно сразу понять и определить, что она произошла. Такое восприятие феномена смерти имеется, например, в его рассказе «Бред», вышедшем в Новом Саде в 1923 году. Только постепенно, накапливая впечатления о происходящем, читатель расстается с иллюзиями. Для мистических рассказов Минцлова важным является соотношение таких важнейших понятий, как проблема человека, души, свободы воли и времени.²⁰

Минцлов в рассказе «Бред» затрагивает один из важнейших религиозных аспектов человеческого бытия – тему искушения человека демоном. Писатель обращается к одному из важных моментов в человеческой жизни – к душевной борьбе в выборе между Добром и Злом. Основной сюжет рассказа неизбежно бросает ассоциативный взгляд на саму природу демонического искушения.

Демон – это незванный гость, дух отрицания и сомнения; он старается помешать легкой смерти Поплавина, главного героя рассказа. Именно в этом рассказе Минцлова сочетаются эти два различных полюса: земное – реалистическое и небесно – мистическое представление человека о дьяволе. Однако Минцлов отступает от традиционной религиозной трактовки момента искушения, он преподносит его, прежде всего, как проявление воли человека (пусть даже умирающего) в возможности вечного выбора. Первоначально она представлена в рассказе как отвлеченное понятие,

¹⁸ См. Нефедов В.В.: Поэзия Ивана Бунина. Минск: „Издательство Высшая школа“, 1975, с. 18.

¹⁹ Минцлов С. Р. Чернокнижник. Рига: „Издательство М. Дидковского“, 1927, с. 7.

²⁰ Федоров А. А.: Европейская мистическая традиция и русская философская мысль (последняя треть XVIII – первая треть XIX века.) Нижний Новгород : „Нижегородский гуманитарный центр“, 2001, с. 60.

в большей мере исходящее из самих внутренних свойств умирающей человеческой души. Во – вторых, тема искушения реализуется в сюжете разговора «Профессора» с Поплавиным. В разговоре умирающей души с демоном – искусителем чувствуется отрицание духом Зла благости жизни, гармоничности мира.

*«Профессор встал и Поплавин увидал, что ноги его собеседника поросли шерстью и имеют раздвоенные копыта. Это его не удивило. Профессор наклонился над Поплавиным. Глаза его заблестели. – Ты мне необходим! – зашептал он. – Хочешь бессмертия? я тебе дам его! Два красные, огненные глаза зажглись на изменившемся и ставшим похожим на редьку лице профессора. Он вырос; стюртук исчез с его мохнатых плеч. – Соглашайся скорей и я задержу твою смерть! – шипя сказал он. – Еще минута и будет поздно.»*²¹

Мотив искушения умирающего Поплавина проходит четыре стадии. Первая – это помысел о том, что является зерном греха. В мыслях умирающего Поплавина этот помысел укрепляется и развивается постепенно, и это проявляется в простой попытке со стороны духа Зла склонить его к греху. В данном случае воля человека в этом не участвует, и поэтому помысел не подлежит нравственному осознанию. Следующий момент искушения – сдружение или сочетание, когда душа умирающего Поплавина принимает помысел, внушаемый врагом, услаждается им; это уже – акт, подлежащий осознанию, так как здесь уже начинается колебание воли. Это нравственное осознание умирающей души ярко проявляется в словах: *„ – Страдать... никому... не надо!»*²² Третий момент – «страсть» не в обычном смысле этого слова, а в смысле склонения воли к греху, хотя душа еще не дала своего согласия. И самый последний – пожалуй, самый решающий – это внутренняя борьба представлений о Добре и Зле.²³

В рассказе «Бред» схематично воспроизведены этапы человеческой жизни. Именно стремление писателя показать этапы человеческой жизни во многом определили основной сюжет рассказа. Эти этапы человеческой жизни складываются из серии определенных, обобщенных фрагментов.

*«Прошлое с необычайной яркостью развернулось перед умственным взором его... Ни преступлений, ни грязных дел там не было. Но были проступки, обиды... совесть больше закона наказывала за них; были мучительные ночи без сна, были унижения, несчастья, ужас смерти близких людей...»*²⁴

21 Минцлов С. Р. Чернокнижник. Рига: „Издательство М. Дидковского“, 1927, с. 26.

22 Там же, с. 26.

23 Рязановский Ф. А.: Демонология в древне-русской литературе. Москва: „Печатня А. И. Снегиревой“, 1915, с. 74.

24 Минцлов С.Р., с. 28.

Сделано это так, что микрокосм человека можно принять за макрокосм вселенной: рождающейся, развивающейся, стареющей и умирающей. Таков метод и один из приемов Минцлова, когда сначала задается мистифицирующее читателя описание пространства, времени, субъектов и объектов, где разыгрывается действие, а по ходу действия выясняется их статус. Именно в этом рассказе Минцлов очень философски подходит к вопросу о сущности человеческого бытия, значимости человеческой сущности в реальном мире, вновь затрагивая вопрос о разрушительных иррациональных силах, демонстрируя иллюзорность истин, на которых человек строит свою жизнь, обнаруживая при этом глубокое незнание человеком законов бытия.

В этом небольшом рассказе Минцлов затрагивает проблему роковой замкнутости человеческого бытия между жизнью и смертью, бытия, в котором человек обречен на одиночество и страдание.

Хотя Минцлов не говорит прямо о Боге, из повествования следует, что Бог существует благодаря душе. Именно своим существованием душа создает Бога. Появление Ангела и есть присутствие Бога, общение Его с умирающей душой главного героя.

*«Что-то нежное повеяло над ним. Больной поднял голову; мягкое серебристое сияние наполняло спальню; среди нее стоял ангел с белыми крыльями. Жажда жизни с невероятной силой вспыхнула вдруг в груди умиравшего. Он сел на постели и протянул к ангелу обе руки.»*²⁵

Разговор умирающего Поплавина с Ангелом построен в форме исповеди, так как раскрывает какие-то нелицеприятные поступки человека, оставляя в стороне его искренние устремления, а именно способность к самопожертвованию, добродетели. Надо отметить, что автор этих рассказов сам создает сверхъестественные ситуации, и не только мистические, призрачные по своему характеру сюжеты, но и в значительной степени личные драмы героев, порожденные «слепой стихией.»

В другом рассказе Минцлова «Осеннее», опубликованном в Риге в 1927 году, именно этот элемент «слепой стихии» и определяет трагизм всего повествования рассказа. В центре повествования в рассказе «Осеннее» – нарисованная картина (портрет), изображающая умершего отца. Этот портрет играет в повествовании исключительную роль: с него начинается описание и заканчивается рассказ о роковом значении портрета, сыгравшем определенную роль в жизни главного героя.

«Утром открыл глаза, потом скорей протер их и вскочил: со стены на меня глядел портрет моего ночного гостя – я его видел много раз; то был покойный отец Ирины. Раздетый я подбежал к портрету. Он, несомнен-

²⁵ Там же, с. 27.

но он, являлся мне ночью: на меня глядели те же бездонные, мрачные глаза; лоб рассекали те же две глубоко просеченные морщины. Почудилось, что губы его шевельнулись...»²⁶

Развитие сюжета свидетельствует о том, что эта борьба между героем и «портретом» длится недолго и заканчивается полной победой иррациональной «натуры» над сознанием и здравым смыслом. Герой Минцлова остро чувствует свое одиночество, свое бессилие перед иррациональной силой. Это его бессилие проявляется в том, что он не может ничего изменить в своей жизни.

Минцлов написал этот рассказ так, чтобы у читателя осталась возможность объяснения как естественного, так и «сверхъестественного» значения портрета. Повествование начинается очень просто, с рассказа о главном герое.

«Ко мне завернул некто Заварнин – мой дальний и малознакомый сосед; молва о нем шла неопределенная, странная: говорили, что он оккультист и спирит; ходил даже слух, будто бы он умер и был погребен на Московском кладбище.»²⁷

Мистика выступает тут как прием, который выражает недоступные желания человека, его стремления вернуться к тому утраченному, основанному на неразрешенном противоречии между миром, в котором живет человек, и миром, созданным его воображением. Герой рассказа описан как фаталист, т.е. как человек, обреченно верящий в предопределенность и всевластие внечеловеческих, в том числе и «сверхъестественных», сил над любой человеческой жизнью. Во многих рассказах Минцлова мистического содержания его герои усматривают в образах реального мира «мир иной», таинственно слитый с ним, одновременно дополняющий и отрицающий его.

Минцлов – писатель акцентирует внимание читателя на духовных переживаниях и чувствах индивидов, на состоянии человеческой души в ее самых сокровенных, личностных откровениях. Писателя интересует не само мистическое переживание как таковое, а возможность его отражения в литературном творчестве. При этом мистические переживания героев его рассказов отражают лишь частичное проявление мистической практики, но не полное выражение мистицизма как жизненно важной для самого автора религиозно-философской системы.²⁸

С другой стороны, мистические темы в творчестве Минцлова отражают во многом роль только лишь иного атрибута в процессе познания

²⁶ Там же, с. 18.

²⁷ Там же, с. 12.

²⁸ Штейн Сергей фон: Пушкин мистик. <Историко-литературный очерк.> Рига: „Эсперанто“, 1931, с. 74.

окружающего мира; для него мистика является одним из многих звеньев в цепи реальных переживаний. Таким образом, события, выходящие за грань человеческого разумения, сверхприродные, помещаются в контекст повседневности, и это, с одной стороны, обнажает зыбкость и призрачность мира, окружающего писателя, а с другой, – показывает приближенность потустороннего, реальность которого подтверждается его повседневностью.²⁹

Мистические рассуждения Минцлова о сущности жизни и ее значимости – это во многом его интуитивные построения, но это, в свою очередь, не исключает некой рациональности и логичности в его рассуждениях. Тут будет уместно отметить, что литературное наследие Минцлова как писателя еще недостаточно понято и оценено. Видимо, немаловажную роль в этом играет тот факт, что это непризнание его как глубоко мыслящего писателя заключается, прежде всего, в непризнании его мистического понимания окружающего мира, которое проявилось и нашло свое выражение в ряде лучших его мистических произведений. Мистические рассказы Минцлова отличаются разнообразием созданных в них иллюзорных и реальных миров. В большей степени в рассказах писателя присутствует реальность потусторонняя, иллюзорная и по своей сути галлюцинаторная. Наиболее яркие примеры реальности такого рода встречаются в его рассказах *«Бред»*, *«Кресло Торквемады»*, *«Хотинская крепость»*, *«Рассказы монет»* или же в цикле его рассказов *«Мистические вечера.»*

В творчестве Минцлова можно найти отголоски кантовского учения о разделении характера человека на «умопостигаемое» и «эмпирическое», что также свидетельствует о том, что писатель, безусловно, интересовался проблемой неизведанности души человека. В мистическом сюжете Минцлова это «умопостигаемое» означает акт действительных событий, происходящих с человеком, что, в сущности, не совпадает с его «эмпирическим» мнением. Недаром Н. Бердяев оценивая сущность мистических воззрений в жизни человека, утверждал, что обращение к **личному мистическому** опыту в литературном жанре должно служить познанию сущего мира.³⁰

Рассматривая литературное творчество Минцлова, нужно отметить особую философскую направленность его взгляда, выражающегося в хаотически разрушительной силе природы и человека. Неслучайно по этому поводу русский философ Н. Бердяев писал: *«Разгадать тайну о человеке,*

29 Богомолов Н. А.: Русская литература первой трети XX века. – Томск :, Водолей“, 1999, с. 103.

30 Обатин Г.: Окультизм в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919). Москва: „ Новое литературное обозрение“, 2000, с. 52 -53.

значит разгадать тайну бытия. Познай самого себя и через это познаешь мир.»³¹

Автор попытался рассмотреть в этой небольшой статье различные аспекты в творчестве писателя, основы его мистического восприятия реальной жизни, а также во всем определяющую пределы и границы его понимания мистику и ее функции в его литературном наследии. Для Минцлова через призму мистических воззрений происходит осознание прошлого и настоящего в постоянном водовороте жизни человеческого общества, его страстей, влекущих это общество к все более глубокому кризису. Через призму своих мистических воззрений писатель поднимает один из волнующих вопросов, а именно вопрос преодоления безнравственности в человеческом обществе.

Появление таких тем в русской литературе не было случайным, так как русская действительность конца XIX – начала XX века, а затем и последующие события в русской истории заставляли человека, серьезно и сознательно относящегося к религиозным проблемам, искать какого-то выхода, который не мог быть одинаковым для всех. Начало XX столетия ознаменовалось бурными поисками собственного осознания и причастности ко всем этим философско-религиозным поискам. Безусловно, философско-религиозные искания русских литераторов происходили в различных формах, находя свое отражение в их литературном творчестве.³²

У Минцлова этот тип знаний, лежащий в основе мистических представлений его литературного жанра, в своей совокупности охватывающих представления человека о мироздании во всех его природных, культурных аспектах, в сочетании их, в художественной форме формирует мистическую картину мира. Значение основных мистических представлений писателя естественным образом основывается на сопоставлении внутренних ощущений человека, его организации и ориентации в природной среде, с его основными эмоциями (радость, уныние, гнев, страх). И если мистические представления Минцлова о реальной жизни являются общечеловеческими, то эти общечеловеческие чувства, писатель выражает посредством текста, конкретной системы литературных образов, воплощающих в себе мистические смыслы и во многом обусловленных особенностями национальной культуры русского народа.

Основой мистической картины художественного мира Минцлова является представление автора о душевных волнениях, о несуществующих состояниях его героев, обусловленных попаданием в различные ситуации,

³¹ Бердяев Н. А. Смысл творчества. // Собрание сочинений. Paris, 1985, т. 2, с. 86.

³² Богомолов Н. А.: Русская литература начала XX века. <Исследования и материалы.> Москва: „ Новое литературное обозрение“, 1989, с. 12.

их общением с потусторонними объектами, и многое другое. Основная часть сюжетов мистических рассказов Минцлова посвящена испытанию героя и в большой степени связана с наличием остросюжетных ситуаций. Сюжетная ситуация у писателя всегда заключается в противостоянии его героев каким-то необычным, а порой совершенно фантастическим событиям в их реальной жизни. По большому счету, мистические вопросы у Минцлова ставятся и решаются как бы за гранью внешних условий, именно в том конкретном проявлении, какую задают глубинные измерения природы человека, стоящего перед лицом судьбы, смерти, Бога, отчаяния и надежды, потерянности и дерзания.³³

Таким образом, мистику в творчестве Минцлова можно рассматривать не только как арсенал мотивов и сюжетов, но и как их источник. Мистическое пространство, которое формирует в своем творчестве писатель, конечно же, неоднородно, и, как всегда, в этом пространстве присутствуют две силы, которые, в конечном итоге, и определяют судьбу героев и сюжет самого повествования. С одной стороны, это мистические силы Зла, а с другой, – силы Добра. Вместе с тем, русская литература в своей мистичности не только конкретно представила трагедию отдельного человека, но и взяла на себя роль религиозно – философского осмысления мира и места человека в нем. Целью моей работы не был исчерпывающий анализ мистических воззрений в творчестве Минцлова. Мне лишь хотелось обратить внимание на отдельные моменты в творчестве писателя, и прежде всего, на роль мистики в его творчестве.

³³ Семенова С.: Метафизика русской литературы. Москва : „Порог“, 2004, т. 1, с. 7.